

Ф И Л О С О Ф И Я

РЕАЛЬНОЕ, ВИЗУАЛЬНОЕ, ВИРТУАЛЬНОЕ

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ (Об авторах, признании и о помощи трудностям)

© С. А. Лишаев

Лишаев

Сергей Александрович

доктор философских наук,
профессор

руководитель Центра
философских и эстетических
исследований

Самарская
гуманитарная академия

В статье рассматривается проблематика взаимодействия печатных и электронных публикаций в современной культуре. Осмысление устойчивости бытования печатных изданий осуществляется в контексте проблематики авторского признания, культурной памяти и трансформации способов поиска и отбора текстов для чтения в Интернет-эпоху.

Ключевые слова: печатный текст, электронный текст, тело, признание, смерть, автор, читатель, инициация печатью.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

А. С. Пушкин

Книжная культура в пространстве инноваций. Сегодня, когда обновление становится хроническим, рутинным, нас все чаще удивляет не новое, а неизменное, то, что, вопреки общему «тренду», демонстрирует способность к сопротивлению логике принудительных инноваций. Особенной, интересной оказывается уже не новизна нового, а сохранность хорошо знакомого, старого, давно существующего. Одним из примеров сохранности старого может служить книга. Именно судьба печатной книги, со всех сторон омываемой электронными медиа, будет предметом осмысления в этом эссе.

С. А. Лишаев

К наиболее примечательным новациям последнего времени можно отнести радикальное изменение способов фиксации и доставки текстов читателю. Я говорю о феномене *оцифрованного* (экранный) слова, вытеснившего рукопись из большинства областей, в которых когда-то (15–20 лет назад) она была широко востребована. Рукописей больше нет, ручное письмо свелось к подписям под документами, к обиходным маргиналиям («Суп в холодильнике», «Клава, срочно позвони Ивану Петровичу»), к экспрессивным надписям на заборах и к урокам правописания в школе («Мама мыла раму»).

В такой обстановке можно было ожидать – и многие этого ждали, – что судьбу рукописи разделят и печатные издания. В пользу неутешительного для книги прогноза свидетельствовали очевидные преимущества экранного слова: набранный с помощью клавиатуры и размещенный в сети текст доходит до потребителя значительно быстрее, чем это происходит в том случае, когда его доставку обеспечивает громоздкая система производства и распространения книжной продукции. Что уж тут говорить о разнице в стоимости между публикацией в Сети и в типографии! Тем не менее, печатное слово, не связанное коротким поводком новостного режима, хорошо «держит удар» и позиций своих сдавать не собирается¹. Вопреки пессимистическим прогнозам, издательская инфраструктура продолжает успешно функционировать: книги издаются, продаются и рецензируются, книжные ярмарки собирают тысячные толпы, библиотеки работают, etc. И пусть крупные книгохранилища уже обзавелись электронными каталогами и заняты переводом книг в электронный формат, важно то, что ни одна из библиотек не отказалась от дальнейшего пополнения своих книжных фондов. О чем все это свидетельствует? О том, что на месте старой модели функционирования запечатленного слова, предполагавшей движение *от рукописи к печати*, складывается новая (и тоже двухполюсная) система: *от печати – к экрану*.

Формирование *электронно-печатной модели* обращения текстов поднимает вопросы, ответ на которые найти не просто. Эти вопросы можно сформулировать следующим образом. За счет каких ресурсов книга удерживает свои позиции на площадке публичного обмена текстами? Почему экранное слово не смогло (пока не смогло?) взять на себя функции книги и журнала в их бумажном исполнении? Какая судьба ожидает книгу в будущем?

Тезис, который я буду защищать в этом эссе, можно сформулировать следующим образом: жизнеспособность печатного слова питается прежде всего стремлением авторов к признанию и читательской потребностью

¹ Что до вытеснения новостной, летучей прессы (газет и еженедельников) электронными СМИ, то оно идет полным ходом. Вполне вероятно, что в обозримом будущем газета на «бумажном носителе» и вовсе исчезнет из оборота. Иллюстрированные журналы, вероятно, продержатся дольше. Наилучшие возможности для закрепления на новых рубежах имеют журнал (не важно – литературный, научный или философский...) и книга.

иметь «навигационное оборудование» для ориентации в бурном потоке публикаций. Позволю себе высказать предположение, что рубежи, на которых закрепилось сегодня печатное слово, будут удерживаться им, пока люди не утратят вкуса к авторским высказываниям в форме текста и пока сами авторы не перестанут стремиться (по удачному выражению А. К. Секацкого) к «бытию-в-признанности»².

При этом я вовсе не настаиваю на том, что свою медийную нишу печатное слово удерживает исключительно за счет воли авторов к общественному признанию. К сохранению книжной культуры причастны и иные силы. Но меня здесь интересуют только те из них, которые питает борьба авторов за признание.

Слово, смерть, признание. С давних пор создание текста (не важно – художественного повествования, научного исследования, философской медитации или поэтического творения) означало выход автора в публичное пространство и было одним из действенных способов утверждения индивидуальности за пределами жесткого лимита ее земного присутствия (присутствия при теле). Язык – это не только *так-то* и *так-то* **понятый** мир, не только способ присутствия в мире, не только средство общения и познания, передачи знаний и опыта, но еще и канал *само-утверждения в другом*, дверь, через которую индивидуальность может войти в большое время истории. Не стоит забывать, что воля к бытию-в-признанности в конечном счете питается *волей к преодолению конечности человеческого присутствия*. Ведь в замкнутом круге мира сего одним из самых надежных, проверенных и доступных (хотя и паллиативных) способов продления «я-присутствия» остается сверхпрочная капсула авторского текста.

В архаических обществах проблемы утверждения индивидуальности во времени еще не существовало, так как отсутствовал самостоятельный, обособившийся от родового тела индивид: нет субъекта – нет и проблемы его признания «дальними другими». До тех пор, пока признание со стороны другого (в дописьменных культурах) ограничивалось признанием со стороны ближних (родственников, друзей, соседей), то есть тех, кто с тобой жил, кто тебя *слушал* или о тебе *слышал* (слух и слухи), мы можем говорить только о предварении «бытия-в-признанности» как особого экзистенциального проекта. В дописьменных культурах человек мог продлить свое присутствие только через память своих близких, то есть тех, кто состоял с ним в тесном родственном общении. Память недолгая и ненадежная. Ведь в эпоху устного слова певец и сказитель были хранителями и медиаторами родового, а не персонального сознания. При этом послушник (тот, кто слушает и слышит) нес в себе память и об услышанном, и о том, кого он слушал. Однако переданный им «слух» (о певце, сказителе, мудреце, которого он знал лично) через одно-два поколения или вовсе стирался, или же

² Секацкий А. К. Бытие в признанности: истории современной политики // Мысль: Социальная аналитика кризиса: сб. ст. / отв. ред. К. С. Пигров. СПб, 2004. С. 43–53.

образ того, о ком люди слышали (знали понаслышке), обретал «легендарные» черты, в которых быль и небыль сливались воедино, а ее персональные черты замещались собирательным образом (образом мудреца, героя, святого, праведника, etc.), созданным народным воображением.

С изобретением письменности ситуация существенно изменилась. Для писателей древнего мира проблема признанности существовала, хотя и не имела той остроты, которую приобрела позднее, в Новое время³. По мере созревания в лоне христианской цивилизации автономной личности потребность в продлении персонального присутствия в другом и через другого существенно укрепилась.

Однако в средние века борьба авторов за признание препятствовала христианская установка на борьбу с грехами тщеславия и гордыни. Для средневековой культуры вера в Господа и Его Милосердие, надежда на спасение и воскресение весили куда больше, чем любовь и признание со стороны современников и потомков. Вот почему созревавшая в недрах христианского мира индивидуальность *не получала действительных стимулов к самоутверждению* в горизонтальном измерении мира сего. Многие сочинения средневековых авторов оставались анонимными, а проблемы плагиата не существовало. Зато нередки были случаи, когда писатель выдавал свое сочинение за труд авторитетного (принятого Традицией) писателя. Иногда это делал сам автор, но чаще операцию по приписке значительного текста авторитетному автору осуществляли благодарные современники и потомки. Важно было придать вес написанному, а не провести точную атрибуцию текста и утвердить в веках имя автора. Бытие в признанности мыслилось как бытие в Божественной Милости и Любви. Первостепенную важность имело не продление своего присутствия в мире сем, а спасение души.

Выдвижение индивидуальности на авансцену общественного сознания – та новость, которой открывается эпоха Возрождения и раннее Новое время. Именно тогда «бытие-в-признанности» стало важным (хотя и не единственным, а для многих авторов даже второстепенным) стимулом к созданию философских и научных трактатов, художественных произведений, к написанию мемуаров, ведению дневников, etc. По мере того, как религиозная вера слабела и вытеснялась на периферию общественного и персонального сознания, *на первый план выдвигалась стратегия посягательства, имманентного спасения в ковчеге «заветной лиры»*.

Утративший веру в Бога и Его Царствие, но ищущий полноты присутствия человек Нового времени перенаправил свое внимание и энергию на утверждение индивидуальности в горизонте земной истории. Однако

³ Это связано с тем, что личности современного типа в античности, если принять позицию А. Ф. Лосева, еще не существовало. Применительно к античной культуре этот ученый предлагал пользоваться не термином «личность» («субстанциальная личность»), а термином «атрибутивная личность». Об отличии «атрибутивной» личности от «субстанциальной» см.: Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 427–438.

стремление быть автором своей жизни натолкнулось на брэнность человеческого тела как на непреходимую черту экзистенциальной оседлости. Новоевропейец сознавал, что все попытки разрешить «проблему смерти» без радикальной трансформации жизни обречены оставаться паллиативными (увеличение продолжительности жизни, борьба с болезнями, повышение «качества жизни» в преклонные годы и т. д. не решают и не могут решить проблемы конечности человеческого существования)⁴.

Неразрешимость «проблемы смерти» в онтическом горизонте, с одной стороны, стала стимулом потребления все более сильных антидепрессантов и галлюциногенов⁵, а с другой, привела к усилению борьбы за персональную ячейку в «культурной памяти». Обмельчание реки веры имело своим следствием абсолютизацию имманентных форм иноприсутствия и возрастание ценности признания автора со стороны горизонтального другого (со стороны читателя, зрителя и слушателя).

Возможности для «бытия-в-признанности» через литературный текст расширялись параллельно с увеличением круга читателей и с проникновением навыков письма/чтения в повседневную жизнь рядовых граждан. Письменность стала восприниматься как форма, позволяющая сохранить человеческую индивидуальность с большей полнотой и конкретностью, чем неверная (и недолгая) память родных и близких. Письмо приобретало особое значение еще и потому, что оно более других форм творчества способно удерживать в своей текстуре и сохранять для «благодарных потомков» неповторимый профиль авторской индивидуальности⁶. Прочность и долговечность фиксации авторского высказывания давала искателям поскостороннего бессмертия возможность вести борьбу за признание по ту сторону «ближнего круга» (то есть семьи, рода, общины...). Внимательное чтение – это не только распаковка содержания высказывания, но еще и актуализация авторской индивидуальности в душе другого («душа в за-

⁴ Ведущиеся сегодня поиски медицинских и биотехнологических способов «нейтрализации смерти» обещают когда-нибудь решить проблему достижения так называемого «практического бессмертия», но только вместе с устранением человека и заменой его каким-то другим (нечеловеческим) носителем интеллекта (нет человека – не проблемы; клон и киборг – не люди).

⁵ Предложение антидепрессантов сегодня как никогда велико и разнообразно и простирается от алкоголя и наркотиков до идеологических витаминов оптимизма, от порнографии до экстремальных религиозных сект, от размножившихся оккультных сообществ до высокотехнологичных методик отключения сознания, используемых в горячих цехах индустрии развлечений.

⁶ Не всякий текст способен удержать авторскую индивидуальность со всеми ее особенностями, но любой текст претендует на сохранение хотя бы свернутой ее «формулы»: фамилии и имени автора. Даже в тех случаях, когда речь идет о научном дискурсе, текст книги или статьи обязательно несет на себе пометку: автор работы – такой-то. Если бы проставлять имена и фамилии над заголовками научных трудов по каким-то причинам стало невозможно, то последствия такого сдвига для науки (для новоевропейской науки со всей ее культурной и социальной инфраструктурой) были бы, вероятно, катастрофическими.

ветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит»). Но иноприсутствие авторской индивидуальности в другом осуществимо только в том случае, если созданный им текст способен кого-то очаровать и увлечь. Влюбленный в книгу читатель начинает жить созданными писателем образами и мыслительными фигурами и тем продляет посмертную жизнь их создателю.

Файлы, книги, авторы (о помощи трудностями на пути к признанию). Итак, начиная с эпохи Возрождения запечатленное слово – arena упорной борьбы авторов за внимание публики. Печатный станок, многократно усиливший писательский голос и сделавший книгу доступной для среднего класса (для буржуазии), эту борьбу усилил еще больше. Дорога автора к признанию пролегла теперь напрямик через пороги издательств и типографий.

В наши дни борьба за читателя осложняется еще и тем, что перед авторами открылся новый способ обратить на себя внимание широкой публики – Интернет. Появление электронного слова должно обратить наше внимание на сдвиги в механизмах обретения признания в Интернет-эпоху. Дело в том, что появление экранного слова размывло границу, разделявшую когда-то рукопись (то, что пишется для себя и для узкого круга родных и близких) и публикацию (текст, выставленный на всеобщее обозрение). Набранный с помощью клавиатуры текст взял на себя – одновременно – функции рукописного и печатного слова. Созданное на компьютере и размещенное в Сети сочинение имеет квазирукописную природу (оно набрано вручну) и в то же время – обращено *urbi et orbi*. Казалось бы, в таких условиях тексты на традиционных носителях не имеют шансов на выживание. Однако мрачным прогнозам скептиков не суждено было оправдаться. С тех пор, как сообщество пишущих освоило клавиатуру ПК, прошло уже больше двух десятилетий, а книга все так же далека от того, чтобы разделить судьбу конных экипажей и самоваров. Неопубликованный в издательстве (не удостоенный статуса вещи) текст и сегодня воспринимается как рукопись, то есть как высказывание, не приобретшее общественного признания, хотя и «доступное всем желающим». Какие же силы удерживают книгу от исчезновения? Почему она так и не превратилась в одно из осадочных отложений истории?

Сил, поддерживающих книгу на гребне истории, несколько. Помимо духов-покровителей авторства, у книги есть и другие защитники. К их числу можно отнести коммерсантов, занятых изданием и распространением книг и журналов. Свою лепту в сохранение книги вносит и ее эстетическая привлекательность (книга – вещь красивая, изящная). А привычки тела? Многим из нас приятнее предаваться чтению, когда в руках лежит хорошо изданная книга: не все любят читать, глядя на светящийся экран монитора. Пусть так. И все же в обществе, где доминирует экранная культура, живучесть книги нельзя объяснить ее относительными преимуществами. Полагаю, что главная причина сохранения книжной культуры – в том, что западный мир по-прежнему остается миром авторов. Воля к

авторству надежно охраняет культуру бумажной публикации и создает иммунный барьер, защищающий печатную книгу от экспансии оцифрованных текстов. Попробуем проследить связь, имеющуюся между авторским стремлением к признанности и «чудесным» сохранением книги в современной культуре.

Благодаря переходу к работе с экранным словом и возникновению электронно-сетевой среды, процедура обнародования текста («публикация») занимает всего несколько минут. Десяток щелчков мышкой – и вот уже твой опус доступен всем и каждому. Однако простота выхода на широкую публику полна превратностей. На пути к читателю текст встречается с новым и труднопреодолимым препятствием: имя ему – *информационная перенасыщенность медиа-сферы*. В переполненном сообщением Интернет-пространстве авторский путь к признанию становится все более тернистым: сообщество тех, кто подготовлен к чтению развернутых высказываний, сокращается, в то время как число пишущих непрерывно растет. Легкость обретения признания через сетевую публикацию – не более чем обманка, мираж. Сеть благоволит к тем писателям, которые уже признаны публикой (знакомы ей). В борьбе за читательское внимание непризнанные авторы не могут добиться общественного признания вне Сети, миновав стадию печатной публикации. Это правда, что сетевое высказывание всем доступно, но верно и то, что *доступность* – еще не значит *востребованности* (тем более, востребованности для *вдумчивого чтения*). До тех пор, пока текст не получит признания сообщества компетентных читателей, он будет оставаться на положении *общедоступной рукописи*.

Попробуем обозначить основные причины, побуждающие современных авторов нести свои сочинения к издателям.

Первую из них можно усмотреть в необходимости проведения *авторизации* электронного текста. Если автор размещает текст в Сети (в блоге или на сайте), то перед ним встает следующая проблема: как добиться того, чтобы его высказывание было соотнесено с ним как с человеком, имеющим тело (как с одним из смертных). В ситуации, когда Сеть наводнена текстами, публикуемыми «виртуалами» и сетевыми анонимами (тексты под никами), Интернет-известность сама по себе не обеспечивает автору признания по ту сторону сетевых сообществ. Ведь экранное тело текста никак не соотнесено с бранным телом его создателя. Чтобы *положительная корреляция между определенным человеком и определенным текстом стала возможна*, текст должен быть *опубликован в издательстве*⁷. Только электронная публикация со ссылкой на выходные данные печатно-

⁷ Перевод слова на электронные носители напрямую задевает ученых, исследующих литературное наследие знаменитых писателей и готовящих к печати академические собрания сочинений. Тексты нашего времени – это тексты-без-автора. Будущих исследователей классиков XXI века ожидает немало проблем, так как они не смогут обратиться для подтверждения своих утверждений и отрицаний к рукописным архивам. У издателей академических собраний не будет под рукой автографов, отправляясь от которых, они могли бы корректировать ошибки прижизненных изданий. Электронный текст – свидетель ненадежный: его легко «унич-

го издания гарантирует доставку «фимиам» строго по назначению и дает автору надежду на персональную ячейку в культурной памяти (в Архиве).

Вторая причина, подталкивающая писателя к типографскому способу публикации своих сочинений, – это редуцированная телесность экранного слова. Закрепление слова в форме двоичного кода делает его общедоступным, но легкость «выхода в эфир» имеет и оборотную сторону: наводненность сетевого пространства разнородными текстами ведет к загромождению логосферы и делает читателя непокладистым, подозрительным и осторожным в том, что касается готовности нести временные затраты на ознакомление с пространством высказыванием. В таких условиях *непризнанному автору* трудно привлечь к себе внимание той части публики, которая могла бы по-настоящему оценить его работу и ввести начинающего писателя в сообщество авторов уже признанных, известных. Именно от привилегированных читателей (от оценщиков, котировщиков, от читателей-критиков) во многом зависит включение текста в процесс обмена мыслями (образами, метафорами) внутри сообщества «знающих», то есть тех, от кого зависит вовлеченность высказывания в «культурный оборот» Традиции.

И простой читатель, и читатель квалифицированный хотели бы иметь минимальные гарантии качества текста, предложенного к прочтению. Спрашивается, какие процедуры способны предоставить такие гарантии? **Ответ на сегодня таков: это процедура прохождения текстом препятствий и фильтров, затрудняющих прямой доступ к читателю.** При чем преодоление преград должно быть убедительно и наглядно явлено телом текста. В современных условиях это означает, что текст, прежде чем появиться в Сети, должен пройти инициацию бумажной публикацией. Чем большее число текстов вброшено в медийное пространство, тем более развитой должна быть система фильтров, через которые вынужден пройти начинающий автор для того, чтобы его сочинение было удостоено внимательного прочтения. Востребованность текста другими (в том числе и читающими с экрана), и тем более – значимыми другими (сообществом профессионалов, критиков и просто компетентных читателей), предполагает *испытание печатью*. После того, как текст прошел печатную инициацию, его электронный двойник обретает преимущественное право на прочтение также и в сетевом пространстве.

Текстовая перенасыщенность Интернета существенно повышает ценность *рекомендательных знаков*, помогающих читателю остановить свой выбор на определенном произведении (в случае, когда перед ним произведение не знакомого ему автора). Но такие знаки могут сопровождать только текст, изданный в типографии. Если сочинение размещено в Сети

тожить», «повредить» или «фальсифицировать»; по нему невозможно определить, кем и когда он был написан, вносились ли в него изменения, а если вносились, то когда, в каком порядке и кем. Достоверным свидетельством авторской воли в такой ситуации оказывается то, что прежде было предметом правки и корректировки: книжная (журнальная) публикация произведения.

без прохождения печатной инициации, читателю неоткуда получить информацию, которая освободила бы его от необходимости лично просматривать работу «сомнительного автора». Как видим, *минимальной рекомендацией* к прочтению является *сам факт печатной публикации*, отображенный на экране в виде выходных данных печатного издания. Разумеется, нельзя сказать, что тексты неизвестных авторов, которые не несут на себе подобных знаков, никем не читаются, их, конечно, читают, но читают *по остаточному принципу*. Если компетентный читатель и решится на ознакомление с текстом без «рекомендаций», то только в ситуации, когда по запросу, размещенному в поисковике, не удастся обнаружить других предложений.

Выходные данные особенно необходимы в тех случаях, когда заинтересовавшее читателя сочинение велико по объему. Опубликованный в Сети текст неизвестного автора (особенно, если его величина превышает объем в 15-20 тыс. знаков) шансов на прочтение имеет немного. В академическом сообществе (во всяком случае, в социальных и гуманитарных науках) текст, обнародованный в Сети, но не прошедший через издательскую процедуру, расценивается как «сомнительный». У многих литературных и научных журналов сетевых читателей намного больше, чем тех, кто читает их бумажные версии. Однако редакции продолжают издавать журналы на бумаге, поскольку имеют все основания полагать, что серьезное периодическое издание должно иметь печатную версию. Только после выхода из печати текст попадает в книготорговую сеть, в библиотеку и в поле зрения людей, информирующих общественность о новых книгах и журналах. Таким образом, процедура издания может рассматриваться как операция по превращению «квазирукописного» текста в *формально признанное* обществом произведение.

Тело книги как рекомендательное письмо до востребования. Издание книги – сложный, многоступенчатый и трудоемкий процесс (подготовка к печати, печать, реклама, реализация в книготорговой сети), запуск которого предполагает прохождение книгой (статьей) редакционно-издательского фильтра. Готовность издателя вложиться в публикацию книги и придать электронной «рукописи» вес (бумага, помимо физической массы и плотности, придает книге еще и *символическую* весомость) существенно повышает ее шансы на прочтение. У «появившегося в Интернете» и снабженного «выходными данными» текста уровень «априорного доверия» со стороны потенциального читателя (особенно читателя профессионально ориентирующегося в той или иной области теоретического или практического знания) существенно выше, чем у *текста только сетевого*.

Конечно, сама по себе печатная публикация (и в эпоху Гутенберга, и во времена Майкрософта) еще не гарантирует качества книги. Мы знаем, сколько чепухи печатают издатели и продают книготорговцы. Но этот факт говорит лишь о том, что печать выполняла (и выполняет) *функцию первой и самой грубой очистки логоса*. Для осмысленного выбора книги первой фильтрующей ступени явно *недостаточно*. Из числа фильтров,

применяемых для более тонкой очистки, можно упомянуть инфраструктуру рецензирования, критики, литературных конкурсов и т. д. Не случайно сведения о прохождении текстом таких фильтров принято размещать на виду, на книжной обложке. Опытный читатель обязательно отметит для себя количество и качество очистных сооружений, через которые удалось пройти заинтересовавшей его книге (кто ее рецензировал, какие премии она получила и т. д.). Он обратит внимание на издательство⁸, на тираж книги, на то, есть ли у нее рецензенты и кто они, на то, какое это издание (1-е, 2-е или 3-е...), и, наконец, на качество ее художественного оформления...

Как видим, завоевание текстом общественного признания по-прежнему предполагает его вовлеченность в медленно движущийся механизм книгоиздания. «Бумажная» публикация выполняет функцию лицензирования текста для посетителей книжных магазинов и пользователей сети Интернет. Возможно ли обратное движение? Может ли текст сетевой локализации (текст еще не признанного автора) завоевать общественное признание и подняться на культурный Олимп? Такие случаи мне не известны. Тексты по-прежнему завоевывают право на внимание публики, приняв образ *печатного издания*, в то время как функцию «широкополосного» канала *распространения и доставки* текстов берет на себя Интернет.

Reading books in the epoch of Internet communication (about authors, acknowledgement and help through making difficulties)

S. Ishaev

The article deals with the problem of interaction of printed and electronic publications in the modern culture. Here we try to understand lasting popularity of printed publications in the context of author's acknowledgement, cultural memory and transformation of ways of searching and selecting texts for reading in Internet Millennium.

Key words: printed text, electronic text, body, acknowledgement, death, author, reader, initiation by printing.

⁸ Чем серьезнее издательство, тем больше шансов у публикации получить общественное признание. Книга, изданная в «хорошем издательстве», рассказ (роман), опубликованный в журнале с репутацией, привлекают к себе внимание «серьезной публики» уже по месту публикации.